

НИКОНОВ В. А.

ГЕОГРАФИЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Если спросить, какая фамилия у русских всех чаще, некоторые ответят полувопросом: «может быть, Иванов?» Действительно, в Москве 90 тыс. носят эту фамилию и никакая другая не соперничает с ней. Но как «во глубине России»? Выполненные автором подсчеты показали, что *Ивановы* по частоте занимали в Тульской губернии 23-е место, в Пензенской не входили в сотню самых частых; из 90 тыс. крестьян Шенкурского уезда Архангельской губ. ее носили только 38 человек¹.

Какие же фамилии преобладали? Смотря — где; в этом вся суть.

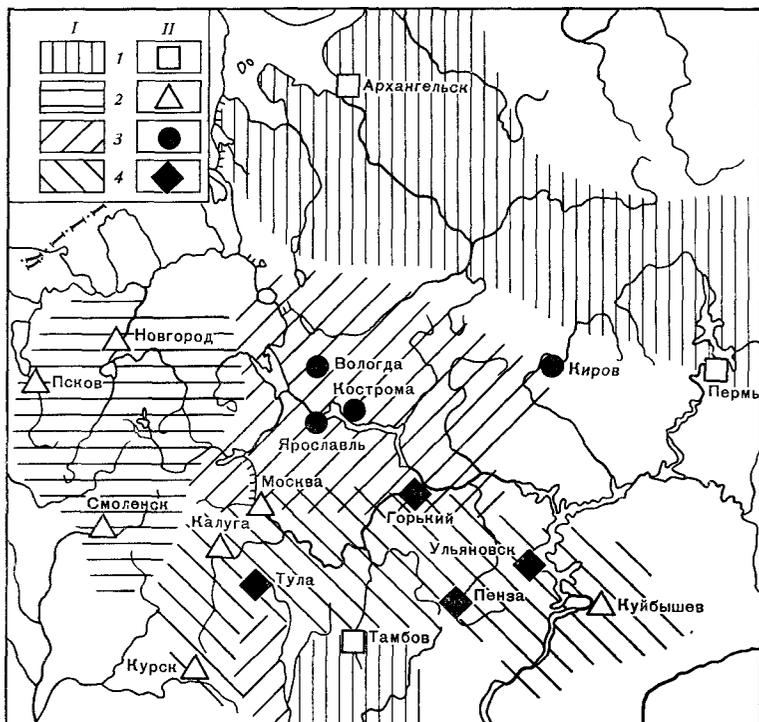
На Севере безраздельно преобладала фамилия *Попов*. В 6 центральных уездах Архангельской губ. она охватывала 2% сельского населения [1], показатель очень высок, учитывая чрезвычайный «разброс» фамилий (в противоположность жесткой концентрации имен индивидуальных). А в небольшой Сюземской волости *Поповы* составили даже 20%. В телефонном справочнике Архангельска и сегодня ни одна фамилия даже отдаленно не конкурирует с этой. Только как предположение можно допустить причиной выборность духовенства на Севере: там вплоть до XVIII в. священников не назначали свыше, а избирали сами жители из своей среды. Однако основой отчества, позже закрепленного в фамилию, могло быть не нарицательное *поп*, а имя собственное *Поп*, т. е. прозвище, а не должность.

Начиная еще с XVII в., особенно же в XVIII—XIX вв., широкая миграция за Вятку, Пермь и Урал в Сибирь далеко развинула зону распространения фамилии *Попов*; она захватила восток Вологодской области (Великий Устюг со смежными районами), северо-восток Костромской (Вохма и соседние районы), север Пермской, саму Пермь, распространена за Уралом. А на юг и запад ареал фамилии круто обрезан; например, в Харовском р-не (середине Вологодской обл.) ее частотность 0,02%! В центральных и западных областях она единична.

Все Северное Поволжье — зона преобладания фамилии *Смирнов*, максимально — в Ярославской (кроме юга), Костромской (кроме северо-востока), в южной и средней части Вологодской, восточной половине Калининской, в соседних районах Московской (например, Волоколамский), Ивановской, в заволжской половине Горьковской, на юго-западе Кировской области, отчасти и Владимирской. Соответственно эта фамилия чаще других сегодня в городах Ярославле, Костроме, Вологде, Череповце, Рыбинске, Иванове, Кинешме, Владимире, Кирове.

С территории своего преобладания фамилия распространялась на юго-восток, как и северо-поволжские говоры: за низовья Оки на Суру и в правобережье Среднего Поволжья, но значительно редее. Южней и юго-западней Москвы ее частотность ничтожна. Но в бассейне Тима на рубеже

¹ По фондам 58 архивов собраны фамилии больше 3 млн. человек русского сельского населения из 36 областей. Каждый подсчет сплошной в пределах выборочной территории. К сожалению, источники не одновременны, но фамилии в отличие от имен индивидуальных достаточно устойчивы, даже несмотря на значительные сдвиги населения. Материалы единственной Всероссийской переписи (1897 г.) уцелели полностью только по Архангельской и Тобольской губ., не полностью по Владимирской, по немногим другим — отрывочно; по Пензенской и Тульской сохранены земские переписи 1907—1917 гг., по Вологодской и Пермской — «ревизские сказки» 1858 г. (южной крепостные на эту дату еще бесфамильны). Пришлось обратиться к источникам разным — по хозяйственным книгам колхозов, спискам избирателей, актам ЗАГСов. Частично использованы, где возможно, данные других переписей. Сверх этого привлечены дополнительные источники в объеме, превышающем 1 млн. чел. (телефонные справочники 50 городов и всевозможные списки).

Преобладающая фамилия: I — в сельских местностях, II — в городах; 1 — *Попов*, 2 — *Иванов*, 3 — *Смирнов*, 4 — *Кузнецов*.

Орловской и Курской областей мои подсчеты обнаружили густое скопление носителей этой фамилии, — например, в Должанском р-не (крайний юго-восток Орловской обл.) в 1954 г. больше 3% [2]. Несомненно, они когда-то переселились из Северного Поволжья. Находка заманчива для диалектологов, этнографов, краеведов.

Этимологическое значение основы — нецерковное мужское имя в архаичной форме *Смирнбй* — «смирный, послушный».

В огромной полосе южнее и восточнее Москвы в бассейне Оки и Средней Волги самая частая фамилия — *Кузнецов*, максимально — в Тульской обл. Из городов кроме Тулы фамилия преобладает в Горьком, Пензе, Ульяновске, Арзамасе. Как вторая по частоте фамилия она распространена и в восточной части зоны преобладания фамилии *Смирнов* и на Севере уступает только фамилии *Попов*.

Высокая частотность фамилии понятна: кузнец был необходим и приметен. «Чи ребятя?» — «Кузнецовы». Так и у других народов: от украинского, белорусского, польского *коваль* — восточноукраинская фамилия *Коваленко*, полесская *Ковалюк*, белорусская *Кавалёў*, польская *Ковальский* (самая частая фамилия Варшавы), южнопольская и западноукраинская *Ковалик*, сербскохорватская и словенская *Ковач*, болгарская — *Ковачев* (самая частая фамилия Англии и США — *Смит*, как и немецкая *Шмидт* «кузнец»).

Распространению фамилии *Кузнецов* на запад и юго-запад почти сразу же за верховьями Оки ставит предел *Ковалев*. Даже под Брянском в Жирятиновском р-не *Кузнецовы* вдвое реже, чем *Ковалевы* (в подсчете — только русское население) [3]; не только для диалектологов, а и краеведов, историков, этнографов чрезвычайно ценна граница преобладания *Кузнецов/Ковалев*, прорезающая, например, Смоленскую и Курскую области.

А в северо-западном секторе преобладает фамилия *Иванов*: области Новгородская, Псковская, Ленинградская, Калининская (кроме восточной части); запад Смоленской области. Из 29 тыс. колхозников, учтенных в Дедовичском р-не, оказалось больше 3 тыс. *Ивановых* — 11% [4], и в

списке мещан гор. Боровичи Новгородской губ. (1896 г.) носители этой фамилии составляли 10% [5]. Частотность понятна: на протяжении столетий самым частым именем русских было *Иван*, у крестьян его носили 1/4 всех мужчин; это тоже объяснимо — имя давали по церковным «святам», а «святым» с этим именем церковь чествовала 64 раза в год (вспомним описанную А. М. Селищевым беду македонского крестьянина, наголо разоренного именем *Иван*, которое он дал сыну, — каждую неделю соседи валили на именины) [13]. Непонятно главное: почему же на других территориях *Ивановы* редки?

Итак, обнаружены 4 огромных массива; все они в пределах сложившегося к концу XV в. единого русского государства. По греческому и латинскому образцу, ставшему интернациональным, — именовать крупные территории посредством форманта *-ia*, можно назвать их *Поповия*, *Смирновия*, *Кузнецовия*, *Ивановия*. За шуткой — серьезный факт, ведущий далеко за пределы фамилий: на глазах письменной истории возникли четыре никем не замеченные крупнейшие общности, объединяющие миллионы людей. Никакими случайностями этого невозможно объяснить.

Посреди них — объединительница Москва. Как каждая столица, она вобрала в себя черты разных частей страны — в целом ни на одну из них не похожа, а в чем-то с каждой сходна (так же, но в меньшей мере, и каждый город, а теперь таково все Подмосковье). По данным Московского адресного бюро (1964 г.), самые частые фамилии в столице: *Ивановы* — 90 тыс., *Кузнецовы* — 78 тыс., *Смирновы* — 58 тыс., *Поповы* — 30 тыс. — именно те же четыре! Это отлично подтверждает, что выявлены глубокие и сложные процессы (в сравнении с масштабом которых четыре лидирующие фамилии — только внешние приметы), фамилии не висят в воздухе, за их общностями — общности людей.

Как сложились эти массивы, не объясняют ни историк, ни лингвист, ни этнограф. Может быть, поможет география? Поиск границ массивов потребовал специально таких подсчетов, которые заняли несколько лет, а рассмотрение полученных материалов поставило новые загадки. Характер границ неоднороден. На одних отрезках они очень четки, на других расплывчаты. А чаще это — не границы, в том смысле, как между государствами или административными единицами. Либо между массивами лежит «ничья земля», как между зонами фамилий *Поповы* и *Смирновы* обширное пространство Каргополь — Вытегра — Белоозеро, где ни те, ни другие не встречаются. Либо, наоборот, массивы накладываются один на другой. В смежных районах Калининской, Вологодской и Новгородской областей фамилии *Иванов* и *Смирнов* соперничают по частоте. Любопытно, что в телефонном справочнике г. Калинина (1973 г.) они поделили 1-е место — счет таков: *Ивановы* — 129, *Смирновы* — 128. Граница преобладания той и другой проходит по р. Кобожя (левый приток Мологи), отсекая от Псковско-Новгородской зоны фамилий Пестовский р-н Новгородской области, врезанный клином между Вологодской и Калининской.

Массивы возникали независимо друг от друга (возможно, и не в одно время), в процессе не разделения, а напротив — объединения. Вот главный вывод. Протекала ломка феодальной раздробленности и натурального хозяйства (хотя его пережитки еще держались даже в нашем столетии), начинал складываться всероссийский рынок. В разных отраслях жизни это отражалось с разной силой и различными темпами.

Каждый массив не сразу возник в тех границах, которые видимы сегодня. В одних случаях ясно, откуда и куда шло движение, — конечно, *Поповы* распространялись с Северной Двины на Урал и в Сибирь, а не в обратном направлении, *Кузнецовы* — тоже с запада на восток. Но об *Ивановых* или *Смирновых* трудно решить, где их очаг, а где периферия. В моих работах на топонимическом материале не раз показано, что частота не указывает на место возникновения, нередко даже обратное — там, где явление возникло, ему негде развиться, оно стеснено старшими конкурентами, а становится обильным там, где вырывается «на стратегический простор» [14]. Принесли ли псковитяне и новгородцы в Москву максимальную частоту своей самой частой фамилии или, напротив, им ее продиктовала Мо-

сква (например, историческими «разводами» — выселением «своеземцев» с заменой их московскими людьми), или ни то, ни другое, а самостоятельное развитие там и тут с последующим взаимообменом.

Когда возникли описанные общности? Фамилии существуют у русских только с XVI в., большинство их даже еще моложе. Но их ареалы возникли раньше самих фамилий. Это не парадокс. Они заданы исторически. Фамилии возникают из наличных на определенной территории в определенное время слов и формантов по определенным там и тогда закономерностям. Вот эти местные условия и задали географическое размещение фамилий еще до их появления. Ведь употребительность даже канонических имен, казалось бы, никак не региональных, территориально различна: например, в XVIII в. северней Москвы господствовало женское имя *Анна*, а южней — *Авдотья* (*Евдокия*) и т. д. [15, с. 49—50]. Четыре очерченных массива — это четыре историко-географических слагаемых России: земли суздальско-владимирские, псковско-новгородские, северные и вновь осваиваемые.

А почему именно *Смирновы*, *Поповы*?... В истории каждой науки обычно между открытием и объяснением протекает время, иногда — века. Не знаю, когда разгадают заданную загадку и разгадают ли.

Вне рассмотренной территории картина иная. Основное заселение русскими юго-востока европейской части страны продолжалось на всем протяжении XVII—XIX вв. и шло со всех ранее освоенных территорий. Поэтому там отразились и переплелись черты всех «старых» зон. На всем юго-востоке теперь часта фамилия *Попов*, хотя от основного ее массива расстояние огромно. В Старо-Юрьевском р-не Тамбовской обл., в Балашовском р-не Саратовской обл. и многих других она чаще всех, так и в городах Липецке, Тамбове, Волгограде, Астрахани (хотя и не с таким перевесом, как в Архангельске²). Во многих городах преобладает фамилия *Иванов* (Куйбышеве, Саратове, Ростове; как и во всех семи городах Сибири, по которым сделаны подсчеты), всюду на территориях позднего русского заселения часты *Кузнецовы*.

Фамилии-«чемпионки» взяты только как наиболее наглядный пример, доступный неспециалистам по антропонимике. В зонах, «представительницами» которых они здесь послужили, часты и другие фамилии, образующие своего рода территориальные содружества. На Севере по частоте за *Поповым* и *Кузнецовым* следуют *Шестаков*, *Некрасов*, *Семаков* (нередко *Симаков*); только на Севере бытовали *Анциферов*, *Трапезников* (теперь, конечно, их можно встретить всюду). На северо-западе *Иванову* сопутствуют *Васильев*, *Федоров*, *Петров*. В Северном Поволжье спутники *Смирнова* — *Волков*, *Соколов* и, как на Севере, *Некрасов*. С зоной преобладания *Кузнецова* связаны *Новиков*, *Гришин*. Разумеется, нельзя ожидать полного совпадения их ареалов, у каждой фамилии свои границы, образующие на карте пучки линий. Ведь и черты, слагающие диалект, размещены неодинаково.

Некоторые фамилии распространены «поперек» очерченных зон, например, *Морозов*, с наибольшей частотой от Иванова и Шуи до Москвы и реже — на юг к крупным «островам» этой фамилии, и, вероятно, занесенной туда старообрядцами, в Нижнем Заволжье, а *Соколовы* чаще в Поволжье, *Широбоковы* — в Сибири и т. д.

Много фамилий местных, узколокальных. В Кромском р-не Орловской обл. больше тысячи человек с фамилией *Леженеков*, не встреченной больше нигде (кроме областного центра). На Вохме (сев.-вост. часть Костромской обл.) часта фамилия *Тюляндин*. Тысячи жителей в Хоботовском р-не Тамбовской обл. носят фамилию *Стрельников*. Таких примеров немало всюду. К ним можно добавить фамилии, образованные от топонимов, на

² У южных славян эта фамилия нередка, но даже у болгар не достигает той частоты, как в Архангельской обл. Лишь одно скопление ее носителей (где она самая частая) неожиданно обнаружили мои подсчеты: на самом юге славянства — в районе Гевгелия (Македония). Два максимума одной фамилии — на противоположных полюсах славянского мира.

каждой территории свои и в богатом наборе. На Севере многочисленны *Карельские* (фамилия не этнична, а территориальна — *карела* означало вообще «западная сторона»), *Едомские* (несколько селений *Едома* из нарицательного со значением «отдаленное место»), *Мехряковы*, *Военгские* (по речкам *Мехра*, *Военга*), *Онегины* (сотни лесорубов и сплавщиков на р. *Онеге*) и др. Но географичность этих фамилий лежит на ладони, да и не им принадлежит большинство.

Важней географии основ география форм, тут счет идет не на тысячи, а на миллионы.

Господствующие форманты русских фамилий не региональны, а повсеместны. Но даже и их частотность не всюду одинакова, например, — *-ин*. Кажется таким нейтральным формант *-ский*, а образованные им фамилии охватывали в Холмогорском уезде Архангельской губ. (1897 г.) 4,1% всех крестьян, а в Епифанском уезде Тульской губ. (1900 г.) — 0,5% — разница велика. В городах фамилии на *-ский* гораздо чаще, чем в сельских местностях, — в силу социально-исторических истоков этой формы фамилий [15, с. 206—209]. Во всей средней России стали реликтами фамилии в форме бессуффиксных прилагательных на *-ий*, *-ый*, *-ой*, некогда частые (*Толстой*, *Широкий*), которую удержали украинцы; у русских они сохранили свои позиции только на Севере, сберегшем много архаичных черт; носители этих фамилий составляли в Холмогорском и Шенкурском уездах почти 2% населения, в дальнем Мезенском — 2,5% (1897 г.): *Борзой*, *Нагой*, *Седьмой*, *Узкий*, *Черный* и др. На всех остальных русских территориях они единичны.

Есть форма фамилий региональная абсолютно: *-их*, *-ых* (отчество от именованья семьи как целого) — *Долгих*, *Косых*, *Плохих*, *Черных*... Эти фамилии называют «сибирскими», но очаг их не в Сибири, они пришли туда из двух своих массивов: северного и черноземного. Ими изобилует еще перепись часовен Шенкурского уезда 1692 г. [16]. На семинарских занятиях Е. И. Рудных, тогда студентка Свердловского ун-та, нашла в «ревизских сказках» 1747 г. (переписи) максимальное скопление *-их* северо-западной Устюга — до 36—38% всех семей. Позже такие фамилии резко убыли. Оттуда они «заселили» черноземы окско-донского водораздела между Воронежем — Курском — Орлом — Тамбовом, в центре которого (юг Липецкой обл. и север Воронежской) их вес превысил 4—5% (вдвойне региональна там фамилия *Мухортых* — и основой, и формантом).

Сначала с Северной Двины, а затем и из черноземной полосы — фамилии с *-их*, *-ых* хлынули за Урал. Основная масса переселенцев в Сибирь в XVII—XVIII вв. пересекала Тобол на отрезке между устьем Тавды и Курганом, там и сосредоточены эти фамилии. Перепись 1897 г. показала в волостях Салтозерской, Могилевской, Плотниковской 5—8% жителей с фамилиями этой формы; в большинстве местностей на этом пути им принадлежит 2—3%. Восточней они широко рассеяны по Сибири. В Рыбинской волости Тарского уезда записаны *Козловских* и *Кирилловских* из Вятской губ., *Коротких* — из Пермской [6, № 95], в Пятковской волости Ялutorовского уезда *Сотских* и *Разенских* из Воронежской, *Смирных* — из Елецкого уезда (ныне Липецкая обл.), *Ананьевских* — из Новосильского уезда (ныне Орловская обл.) [6, №№ 221, 222], в Ларихинской волости Ишимского уезда *Плохих* — из Курской губернии [6, №№ 51, 52].

В Нижнем Заволжье на р. Иргиз густо гнездо фамилий этой формы: в с. Большая Глушица [7] — *Борзых*, *Пожилых*, *Седых*, *Черных*, в с. Ореховка (1905 г.) — *Боровских*, *Евдокимовских*, *Молодых*, *Ставровских*, *Тальских*. Но неизвестно — принесены ли они старообрядцами из ветлужских и керженецких скитов, бежавшими от церковных гонений (т. е. из северного ареала), или осели по пути шедших в Сибирь из Черноземья. Увы, ни куйбышевские, ни саратовские ученые даже не заметили этого скопления³.

³ На 4-й конференции по ономастике Поволжья (Саранск, 1973) О. И. Александрова оправдывала удущение тем, что теперь якобы эти фамилии утратили формант *-их*. Но участники конференции В. Д. Бондалетов и Л. И. Молодых (оба из тех мест) подтвердили, что фамилии неизменны и сегодня.

С русскими региональными фамилиями *-их*, *-ых* перекликаются фамилии той же модели у поляков Силезии, у чехов и хорватов.

Интересен факт, тоже еще не замеченный, что некоторые документы так именуют только женщин. В листах переписи 1897 г. нередки примеры: в д. Ананьинской Холмогорского уезда фамилия главы семьи — *Луговой*, а его жены и дочерей — *Луговых* [1, №№ 206—211], в д. Засульская Мезенского уезда — хозяйину и сыновьям записана фамилия *Прелой*, а хозяйке и дочерям — *Прелых* [1, №№ 52—54], те же самые различия и в Зауралье.

В свете приведенного ясна наивность утверждения, будто в нередкой фамилии *Плохих* «формант *их* добавлен, чтобы смягчить отрицательный смысл основы» [17]. Никакой оценочной, качественной функции он никогда не нес — ни в фамилиях, ни вне их.

Кроме географии форм, образующих фамилии, важна география частотности форм, при помощи которых образованы их основы; они таят столько ценного для истории народа и языка, что упустить такой источник непростительно. Здесь можно в качестве примера привести лишь немногие из многих.

-итин(ов). Фамилии *Костромитин(ов)*, *Пермитин(ов)* и т. п. в своем истоке обозначали зачисленного на военную службу по такому-то уезду в котором зачисленный и получал землю, становясь помещиком. Для следующих поколений эти обозначения стали фамилиями. Перечень городов, от названий которых образованы эти фамилии, чрезвычайно четок: Белев, Болхов, Боровск, Венев, Верея, Вязьма, Коломна, Кострома, Луховицы, Можайск, Мосальск, Москва, Пермь, Псков, Ржев, Серпухов, Тверь, Чусовой. Положенные на карту, они очерчивают границы Московского государства на исходе XV в. и датируют расцвет форманта *-итин*.

-ичев. Суффикс *-ич* — один из старейших у славян. Он издавна вошел в славянскую ономастику, образуя патроним, именование по имени отца, очень рано расширил значения, образуя этнонимы (именования племен — *лутичи*, *радимици*, *кривичи*, *вятичи* и др.), многочисленные топонимы. Из него возник сложный формант *-ов(-ев) +ич*. В обоих видах он получил огромную силу в ономастике всех славянских народов. В фамилиях суффикс *-ич* стал монопольным образующим средством у сербов и преобладающим у хорватов, вторым по частотности у поляков, частым и у других народов. У русских он давлен в отчествах, но лишь у социальной верхушки (князья, богатыри) много столетий сохранял строго сословную принадлежность — в XVI в., отстаивая свое право на *-вич*, бояре шли в опалу, а то и на плаху; в XVIII в. он дозволен сначала только немногим высшим чинам, затем и пониже, а затем — всем дворянам. Даже на рубеже нашего столетия еще сохранялась социальная окраска его, хотя официального запрета не было. Теперь он стал всеобщей обязательной формой отчества. В фамилии же *-ич* вошел не как формант, а как часть основы — в цепочке *Фома — Фомич — Фомичев*, т. е. в отчестве 2-й степени, образуемой из отчества же. Такие фамилии можно встретить всюду (местами — с редуцированным *-и-*, так как в русском языке заударный гласный очень ослаблен, вплоть до нуля — *Егорчев*). О них писал Б.-О. Унбегаун [18] (приведя больше сотни), но он не имел данных о размещении фамилий, а оно статистически чрезвычайно регионально. Максимально скопление их в Верхнем Поочье на стыке областей Тульской (особенно Белёвский, Чернский и смежные р-ны), Орловской, (Болховский, Мценский и соседние р-ны), Калужской (Хвастовичский и др. р-ны). Вероятно проникновение этой модели со стороны Белоруссии (может быть, при неоднократном переносе государственных границ в XVI—XVII вв.). Самые распространенные из них — *Ганичев*, *Демичев*, *Ильичев*, *Ларичев*, *Фомичев*... В Болховском и Белёвском р-нах фамилии с финальным *-ичев* достигли немалой частотности, близкой к 30 чел. на тысячу жителей. По мере удаления от центра своего скопления они резко редкуют, и, например, на востоке Тульской обл. и юго-востоке Орловской их частотность едва достигает 1 чел. на тысячу. В среднерусской полосе есть территории с повышенной частотой этих фамилий, но нет крупных скоплений.

Работая над фондами в Вологодском архиве, посчастливилось неожиданно обнаружить их мощный ареал на Севере. Северной, северо-западной, северо-восточной Белого озера (в бывшем Шольском р-не и соседних с ним) фамилии на *-ичев* часты, как нигде, — в среднем 117 чел. на 1 тыс. жителей — почти каждый восьмой (1946 г.). В некоторых сельсоветах еще выше, например, в Городищенском — 160 чел. на 1 тыс. [8]. Удивительно, что из сотен фамилий этой модели повторены в Белозерье те же самые, как и в Верхочье, — чаще всех *Ганичевы, Демичевы, Ильичевы, Ларичевы, Фомичевы*. На восток *-ичевы* лишь единичны, не проникают дальше Харовска и Вологды, а западней встречаем их в Новгородской области, хотя и не слишком часто. Г. В. Судаков рассказал мне, что по местному преданию, население этих мест пришло «из Литвы». Эта «Литва» — либо Белоруссия, которая была под властью Польско-Литовского государства, либо смоленские земли, разделявшие иногда ту же участь. Переселения были неоднократны. Неясно, произошло ли переселение оттуда и в Верхочье, и в Белозерье, или второе перемещение было уже внутренним.

-ичкин, -очкин. Центр сгущения (впервые его указала в устном сообщении М. Н. Морозова) почти совпадает с *-ичев*, максимальная частота в тех же районах Верхнего Поочья на стыке Калужской, Тульской и Орловской областей (1952—1958 гг.) — 31 чел. на 1 тыс. жителей [9], в окружающих районах частота гораздо ниже; размеры ареала скромней, чем у *-ичев*, в бывш. Мещовском уезде Калужской губ. 1924 г. — все же 17 чел. на 1 тыс. жителей [10], а к востоку, наоборот, обрываются круто. На других территориях они редки. По происхождению эти фамилии — отчества от иронично-ласкательных форм личных имен, чаще — от канонических (*Афоничкин, Борисочкин, Савочкин, Фомочкин*), реже от неканонических (*Звездочкин, Ниточкин*). Явно что именованья в форме *Афоничка, Ниточка* на этой территории были излюбленными, но неизвестно — почему. Вероятно, они поздны, но датировка загадочна, как и причина.

-сков (Земсков, Городсков, Донсков, Шатсков, Сотсков и др.). Все они — от наличных именованья на *-ский (-ской)*. О них Б.-О. Унбегаун заметил: «нередки у донских казаков» [19], позже донские примеры собрал Л. М. Щетинин [20], на р. Урал их нашел Н. М. Малеча, ценные исследования которого еще ждут публикации. Эта модель характерна для пограничных линий, например, по «засечной черте» XVII в. Симбирск — Шацк — Белгород. Возможен прямой перенос с нее на Дон, на Яик, — Петр I в 1695 г. и 1708 г. переводил из-под Симбирска казаков в Азов и на Медведицу, формируя донское казачество [21]; фамилия *Гребенсков* указывает на гребенское казачество, которое в XIX в. шагнуло с Дона на Кубань и Терек.

-ицын. Всюду можно встретить фамилии *Лисицын, Курицын*, но сам суффикс *-ица*, некогда очень продуктивный, ныне архаичен. А на Севере фамилии от основ, образованных с его помощью, в 10 раз чаще, чем где-либо, так как мужские имена с этим формантом там нередки и в XVII в. От них — *Губницын, Доильницын, Дряхлицын, Коробицын, Наговицын, Репницын, Телицын, Чицын, Шипицын* и др. В Шенкурском уезде в 1897 г. зафиксированы 1556 носителей фамилий этой модели [1].

-утин. Фамилии этой модели «северны», как и *-ицын*: в 1897 г. — в Онежском уезде *Орютин, Панютин, Парутин, Торутин*, в Шенкурском уезде — *Кошутин, Малютин, Лешутин*, в Мезенском — *Личутин* (отсюда известный современный писатель). Имя *Лабута* у ненца привела Л. В. Хомич [22], но там оно изолированно; в документах XVI в. встречаем на Севере имена *Волдута, Кошута, Обута*; А. А. Шахматов указал на формы *Машута, Мишута, Федута* в двинских грамотах XV в. от канонических личных имен [23]. Высказанное мной предположение о приходе суффикса *-ут-* из польского языка (*малютка* и личное имя *Малюта*) [24] получило подтверждение, но там он не первичен, а очевидно, заимствован из литовского. На Север *-утин* принесен не через Москву, а через Псков и Новгород.

Из многих других региональных моделей в основах фамилий: *-ихин*

в гор. Шипкееве (ныне село в Мордов. АССР) — *Волчихины, Глазихины, Гусихины, Мочалихины, Муравьихины, Шутихины*, а рядом в крупнейшем с. Гумны ни одного человека с фамилией *-ихин*; *-ачев* в с. Трофимово Орловской обл. — *Климачевы, Грудиничевы, Головачевы*. Фамилии изобилуют производными формами личных имен (*-агин, -ыгин, -илин, ухин, -ушин, -аков, -анов, -имов, -ищев* и мн. др.), многие — с ярко различной территориальной частотностью: богатейший источник по истории русского словообразования, полностью упущенный исследователями.

Естественно региональность происхождения форм иноязычного происхождения. Шире и дальше всех продвинул составной формант *-енков* из украинского *-енко* (ср. русск. *-ёнок: львёнок, утёнок*), господствующего во всей восточной половине Украины и в восточной половине Белоруссии. Его размещение превосходно показали картографически и статистически Ю. К. Редько по Украине [25] и Н. В. Бирилло по Белоруссии [26], но, работая без контакта, оба не заметили важнейшего единства этого ареала, белорусская и украинская части которого взаимопродолжают одна другую, межа идет не по границе современных языков, а как раз наоборот, пересекая ее перпендикулярно. Прямое продолжение этого — распространение фамилий *-енков* в РСФСР, доформленных господствующим суффиксом русских фамилий (есть и немало *-енко*). В Псковской обл. этот поток шел с юга, поэтому в южных районах они чаще: в Куньинском (1930 г.) они охватывали 5% населения (*Власенков, Гавриленков, Павлюченков*, даже *Поварищенков* и *Шляхтенков*). Они сильны в Смоленской, Брянской, Белгородской, Курской, Воронежской обл., проникая даже в Орловскую. Широко разлились они на юго-восток — через Тамбовскую и Ростовскую области на Саратовскую, Волгоградскую и Краснодарский край. Характерны вибрации: в документах Идрицкого района Псковской обл. наряду с *-енков* обычны и *-енок* (*Борисенок, Егоренок, Сергеенок, Финанженок* и др.); в документах 1914 г. по Воронежской губ. заурядны записи: Евдокия *Репченко* покупает землю у Ивана *Репченкова* [11, № 85, л. 115], Михаил *Резниченко* у Павла *Резниченко* [11, № 101, л. 294].

Из иного источника проникла в Псковскую обл. модель *-айлов* (например, *Пошибайлов* в Дедовическом р-не) — из литов. (ср. *Гржимайло*). На Вятке и Каме нередки фамилии *-егов*, ряд примеров привели Г. А. Архипов [27] и А. С. Кривощечкова-Гантман [28]. В них древен суффикс пермских языков (удмурт. *-ег*, коми *-ог: Гачегов < гачег < бобр>*, *Мошегов < мош < пчела>*, *Рочегов < роч < русский>*, *Чечегов < чечег < трясогузка>* и мн. др.), относимый Б. А. Серебрянниковым к общеуральскому суффиксу отглагольных имен [29]. Суффикс давно мертв и этимологии многих фамилий этой модели темны. В бассейнах Кубани и Терека обильны фамилии с исходом *-иев, -оев, -уев*, обусловленные преобладанием вокальных финалей в кавказских языках.

В телефонном справочнике Ярославля — *Огibalов, Отрепьев*, а Курска — *Агibalов, Атрепьев*, в Курске — *Акулов*, а в Архангельске — *Окулов*. Написания отразили местное произношение. Эти факты общеизвестны. Другие известны меньше: на Севере фамилия *Патракеев* — из северной формы *Патракей* (на других территориях *Патрикей*), фамилия *Труфанов* (из канонического мужского имени *Трифон*), *Самылов* (каноническое *Самуил*); смещению *ч — ц* там же обязаны фамилии *Цивилев* (диалектное *цивиль* «воробей») и *Чивилихин*. От Костромы до Вологды и Перми налична фамилия *Молоснов* — местное *молосной* «молочный», т. е. скоромный, не постный. Фамилии *Евтинов, Евтишев* выдают свое псковское происхождение: в силу псковской замены сочетания *ст* на *т* возникли производные *Евтин* и *Евтиш* из канонических *Евстигней* и *Евстафий*.

На Онеге записана фамилия *Басаргин*, в картотеке Архангельского пединститута *басарага* «трава, не годная на корм». В Ярославле документирована фамилия *Мизулин* и в ярославском диалектном словаре *мизуль* «изюм» [30], в трех опубликованных ярославских диалектных словарях встречено слово *куланда* и в Ярославле — фамилия *Куландин* В Костро-

ме встретила семья фамилия *Строкин*, знакомая по архивам (в 1495 г. новгородский крестьянин Сенка *Строкин*, тогда же московский дьяк Иван *Строкин*, — очевидно, еще отчества; в 1610 г. воевода *Строкин* в Рославле), фамилия записана в Лужском уезде 1916 г., на Суре в Среднем Поволжье — в 1897 г., есть в Пермской области. В картотеке диалектных слов, собранных студенческими экспедициями Костромского пединта, есть карточка, привезенная из Солигалича: *строки* — вредные насекомые, преследующие стада.

В Ашевском р-не Псковской обл. записана фамилия *Стрекавин*, в псковских говорах *стрекать* «жалить, обжигать». Фамилия *Ворохобин* очень редка, хотя ее истоки ранни, еще в 1606 г. зафиксирован в г. Городец близ Твери *ворохоба дмитриев сын глазов* и его дети *ворохобины* [12], именно в тверских говорах живо слово *ворохба* «непостоянный, растрепанный, противный». Фамилия *Басалаев* записана в Вохме (сев.-вост. Костромской обл.), В. И. Даль привел *басалай* с пометой «Вохма», в значениях «шумливый, повеса, щеголь», наличие этой же фамилии в Томской обл. послужило В. В. Палагиной нитью в поиске истоков томского говора [31]. Глагол *загудать* «обветрить» приведен В. И. Далем как симбирский и пензенский, фамилия *Загудаевы* — в Симбирском уезде XVII в., *Загудалов* — в с. Камешкир на востоке Пензенской области (у границы с бывш. Симбирской губ.). Фамилия *Бурнашев* передка в Рязанской обл. (например, в с. Азеево ее носит большинство жителей), ее основа *бурнаш* «беспокойный, задира» — диалектная, рязанская. Фамилии *Скрынников* и *Чепурнов* документированы в Дубовском р-не Ростовской обл., словарь донских говоров засвидетельствовал *скрыня* «сундук», *чепурной* «щеголеватый» [32]. В Курганском округе 1897 г. отмечена фамилия *Грешников*; напрасно видеть в ней мораль, — вероятно, она обязана обиходному там значению слова *грешник* «арестант». Диалектное забайкальское слово *шилник* «торговец мелочным товаром» [33], фамилия *Шильников* как раз обнаружена там — в станции Могайтуевской на исходе XIX в. [11, оп. 6, № 338].

На Севере неожиданна фамилия *Казакос*. Откуда она могла взяться? Казачества там никогда не было. В ответ на вопрос приведу северную поговорку: «Я тебе не казак, чтобы на тебя работать!» — совсем непонятно. А слово *казак* дошло туда со значением, кажущимся противоположным привычному: там оно обозначает наемного работника. На вопрос об этимологическом значении фамилии *Бураков* можно ответить только вопросом: «а где она возникла?» На Севере *бурак* — «плетеная корзина», а на всех других территориях — «свекла». Основа фамилии *Кокорин* — *кокоря*, на Севере это «пень с корневищем», в вологодских говорах — «неуклюжий, неповоротливый», в пермских — «лентяй», в псковских и тверских — «скупой, жадный», в ярославских — «глупый», у русских в Прибалтике — «толстый блин».

В каждой области тысячи фамилий от местных слов, многие из которых исчезли навсегда. Особенно много их на Севере, где вообще обильны языковые реликты. Выборочный словарик их приложен к моей работе «Северные фамилии» [34]. Это ничтожно малая часть диалектных сокровищ, таимых фамилиями.

Но *Ковалева* встречаем и там, где никогда не звучало слово *коваль*, и *Кочетова* — там, где никогда *петуха* не называли *кочетом* (как и обратно): носители фамилии принесли ее с собой на территорию, где ее основу не знали, как *Астапов* (в телефонном справочнике густо окающей Костромы и *Остапов* в акающем Ельце). Во многих случаях, как с фамилией *Строкин*, трудно решать — распространена ли только фамилия или еще само слово, от которого она образована, а для истории языка нужно решение именно этой дилеммы. Зато не единичны и случаи, когда фамилия, содержащая региональные признаки, тут и возникла, а признаков этих в местном говоре нет, но фамилия убедительно доказывает, что они были. Исследователь фамилий владеет транспортом, какого не имела самая богатейшая диалектная экспедиция, — «машиной времени», переносящей в прошлое.

Характерна перекличка северных фамилий с новгородскими и псковскими словами; холмогорская фамилия *Шкулев* и псковское *шкуль* «запас», переносно «скупой», *Конечный* (200 чел. в Шенкурском уезде 1897 г., там же, — еще в 1655 г. упомянуты несколько крестьян с этой фамилией) [35] — эхо частейшего новгородского административно-территориального термина *конец*. В свою очередь северные фамилии повторены за Уралом — *Голдобин*, *Пластинин*, *Шадрин* и мн. др. Обе эти связи — прямая параллель связям диалектов, красноречивые следы миграций.

При столь тесных связях фамилий с диалектом удивительно, что их почти не привлекают к исследованию русских диалектов, хотя работы В. В. Палагиной и Г. Я. Симиной могли бы послужить хорошим примером. Совершенно правильно имена собственные исключены из программ диалектных словарей и атласов. Образуя автономную подсистему лексики, как и техническая терминология, они требуют специальных методов и знаний. Но неумеренные увлечения словарями и атласами оттеснили всё, не включенное в вопросники, а это нанесло немалый урон и самому изучению диалектов. Беда не в том, что фамилии не вошли в словари, а в том, что полностью игнорируют этот богатейший источник диалектной лексики. В Архангельской обл. множество носителей фамилий *Брутовы*, *Бурдины*, *Букревы*, *Бурмагины* — несомненно, что там были ходовыми слова, от которых они образованы. А в недавно вышедшем томе архангельского областного словаря [36] этих слов нет. Их не упустили бы, если бы проявили хоть немного внимания к фамилиям, прямо указавшим точный адрес слова. Составители включили название луга *Бутаково*, но не поискали там слово *бутак*, а в Шенкурском р-не сотни *Бутаковых*; в поисках этимологии я в Архангельске, порасспросив шенкурцев, узнал значение глагола *бутить* «сдирать мох, преграждая путь пожару» (в словаре глагол приведен, но с иным значением). Фамилии драгоценны, указывая исчезнувшую форму слова: в том же словаре, конечно, есть *бобр*, но многие сотни носителей фамилии *Бобрецов* в бывш. Холмогорском и Мезенском уездах не оставляют сомнений, что производное слово *бобрец* имело свое значение. И нередкая в Сибири фамилия *Бубенищikov* (от бубна на спине каторжника) кричит о сибирском слове *бубенищик* «арестант», которое упущено сводным Словарем русских народных говоров [37]. Нет в нем и слова *кровопуск*, сохраненного фамилией *Кровопусков*.

Сегодня нет такой деревни, из которой не было бы студентов в областном городе. Исследователи диалектов, не тратя немалых средств на экспедиции, могут по готовым фамилиям расспросить или поручить узнать в ближайшую поездку на каникулы — живо ли еще то слово, которое там стало основой фамилии или, может быть, его еще помнят старожилы. Едва ли диалектная экспедиция, даже попав в с. Лопаткино (Вадинский р-н Пензенской обл.), нападёт самотеком на слова *буровка* и *шустан*, а на них наводят местные фамилии *Буровкин* и *Шустанов*. Студенту из Аристовки (Городищенский р-н в противоположной части области), возможно, еще удастся найти следы слов, оставивших там память в фамилиях *Васорин*, *Жижикин*, *Скурлыгин*. Диалектные экспедиции необходимо заранее вооружать перечнем интересующих фамилий, выбранных из списка, который нетрудно получить в сельсовете и правлении колхоза. Много потеряно безвозвратно, но много еще можно спасти для науки, если не откладывать на завтра. Пренебрегать фамилиями для сбора диалектных материалов непροститительно и безрасудно.

Изучение диалектов получит от фамилий едва ли меньше, чем изучение фамилий — от диалектологии. Обе науки во многом взаимосвязаны.

В большинстве фамилии внедиалектны. Можно сказать, у них — свои диалекты, независимые от диалектов речевых вне фамилий. Фамилии *Волков* или *Морозов* региональны, но их ареалы не зависят от распространения нарицательных *волок*, *мороз*; не копирует никакого из известных диалектов ареал фамилий в форме *-их*, *-ых*. Совпадение возможно, ему радуются, но лучше радоваться несовпадению: совпадение подкрепляет найденное наукой-смежницей, а несовпадение открывает новое, недоступ-

ное другой науке. Изучение фамилий — не иллюстрация к изучению диалектов, как и обратно.

Фамилии позволяют выявлять междиалектные отношения, проследить маршруты миграций, вскрывать генетические связи. Показав на примерах фамилий *Легостаев*, *Невоструев* и мн. др., какие сокровища скрыты в русских фамилиях, О. Н. Трубочев указал, что они не только выводят из небытия исчезшие навсегда русские слова, а и ведут за пределы русского языка: «Лингвистический материал, объединяемый фамилиями России, содержит много интересного для этимологии и выяснения географических сфер взаимовлияния широкого круга языков» [38].

При всей силе региональных различий несомненна объединительная тенденция, проявляемая в разных формах. Возрастающая связь всех частей страны сокращает статистические перепады между ними. К сожалению, нет достаточных сводов фамилий одной и той же местности по различным датам. Недостаточные источники по Устюгу Великому за 1763 г. и 1973 г. позволяют лишь весьма приблизительно выявить основные черты сдвигов: за два столетия преобладающий формант *-ов* (*-ев*) еще усилил свои позиции: ему принадлежало больше половины (в подсчете не фамилии, а их носители), а теперь почти $\frac{2}{3}$, несколько сократились фамилии на *-ин*, заметно участились *-ский*, вдесятеро убавились *-их* (*-ых*), упав до 1%, но появились, хотя и в минимальном количестве, прочие формы, которых там не было в 1763 г. Налицо явный процесс выравнивания: усиление общерусских показателей и «вымывание» локальных.

Процесс интеграции начал давно. Замена *-их* (*-ых*) видна на Севере еще в документах начала XVIII в.: ряд фамилий с *-их*, известных в XVII в., оформлен иначе (*Лысов* вместо *Лысых*, *Заборский* вместо *Заборских*). В разных концах Пензенской области (Тарханы, Троицкое, Летево, Камышлей) есть *Каштановы*; на Пензенской земле каштаны не росли, — откуда же взялась фамилия? Пензенское слово *коштан* (с двумя противоположными значениями: «ходатай по делам общины», но и «мироед») [39]. Победа литературного языка модернизовала фамилию. Государственное закрепление фамилий притормозило, но не прекратило изменений. А высокая мобильность (подвижность) населения всюду заметно выравнивает состав фамилий даже и без изменений, сглаживает региональные различия в результате миграций, хотя темпы интеграции нарастают, но процесс этот очень длителен.

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Архангельской области. Всероссийская перепись 1897 г., ф. 6, оп. 18 и 19.
2. Архив Орловской области, 1954 г., ф. 2526, 2638, 2540, 2541, 2543, 2552, 2555.
3. Архив Брянской области, 1956 г., ф. 1924, 2444.
4. Архив Псковской области, 1957 г., ф. 983, 1988, 1990, 1991, 2090.
5. Архив Новгородской области, 1896 г., ф. 333, сп. 1, № 10.
6. Тобольский филиал архива Тюменской области, 1897 г., ф. 417.
7. Архив Куйбышевской области, 1896 г., ф. 171, оп. 1, № 125.
8. Архив Вологодской области, 1946 г., ф. 861—Р, № 359.
9. Архив Орловской области, 1951—1954 гг., ф. 3037, 3038, 3048, 3348, 3358.
10. Архив Калужской области, 1924 г., ф. Р—79, оп. 1, № 98.
11. Центральный исторический архив, Л.; ф. 1290, оп. 7.
12. ЦГАДА, 1606 г., ф. 210, № 60.

ЛИТЕРАТУРА

13. *Селищев А. М.* Полог. София, 1931, с. 228—229.
14. *Nikolov V.* Paradoxes toponymiques.— *Revue Internationale d'Onomastique*, 1959, № 3.
15. *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974.
16. Русская историческая библиотека, 1912, т. 25, с. 549—741.
17. *Денисевич Г. В.* Собственные имена как материал для диалектологии.— В кн.: Научно-практические очерки по русскому языку. Вып. 6. Курск, 1972, с. 143.
18. *Унбегаун Б.* Отчества на *-ич* и их отношение к русским фамилиям.— В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
19. *Unbegaun B.-O.* Structure des noms de famille russe.— IIIe Congrès international de Toponymie et d'anthroponymie. II. Louvain, 1951, p. 436.

20. *Щетинин Л. М.* Имена и названия. Ростов, 1968, с. 149.
21. *Никонов В. А.* География фамилий Поволжья.— В кн.: Ономастика Поволжья. 4. Саранск, 1976, с. 140.
22. *Хомич А. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976, с. 119.
23. *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903, с. 120.
24. *Никонов В. А.* Поиски системы.— Этимология. 1962. М., 1963, с. 226.
25. *Редько Ю. К.* Сучасні українські прізвища. Київ, 1966.
26. *Биринло Н. В.* Белорусская антропонимия. Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Минск, 1969.
27. *Архипов Г. А.* Фамилии, образованные от удмуртских слов.— Вопросы финно-угроведения. Вып. 6. Саранск, 1975.
28. *Кривошекова-Гантман А. С.* Фамилии как источник истории языка и его носителей.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972, с. 250.
29. *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963, с. 154, 167.
30. *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, с. 111.
31. *Палагина В. В.* Русские антропонимы XVII в. как источник информации о диалектном составе населения.— В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.
32. Словарь донских говоров. Т. 3. Ростов, 1976, с. 126, 190.
33. *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980, с. 463.
34. *Никонов В. А.* Северные фамилии.— Этимология. 1978. М., 1980, с. 143—152.
35. Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977, с. 83.
36. Архангельский областной словарь. Вып. 2. М., 1982.
37. Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л., 1968.
38. *Трубачев О. Н.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России.— Этимология. 1966. М., 1968, с. 6.
39. Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Л., 1980.